

А.П. БУТЕНКО

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ТОТАЛИТАРИЗМА

БУТЕНКО Анатолий Павлович - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭПИ РАН.

Проблемы тоталитаризма в отечественной социологии имеют весьма своеобразную судьбу. Это своеобразие, по моему мнению, состоит, прежде всего, в следующем.

Во-первых, понятие "тоталитаризм", как известно, впервые появилось в западной социологии и политологии (первыми его употребили в начале 20-х годов нашего столетия либералы Д. Амэндола и П. Габетти для осуждения антидемократических черт фашистского политического режима, утвержденного чернорубашечниками Муссолини в Италии; позже это понятие было применено и по отношению к нацистскому режиму Гитлера в Германии), и в силу такого происхождения оно с самого начала обрело негативно-осуждающий характер, стало обозначением крайне недемократических политических порядков. Естественно, что уже первые попытки западных публицистов и политологов 20-х, 30-х годов применить это понятие к советскому режиму было встречено в штыки советским руководством и идеологами коммунизма. Проблема применимости или неприменимости этого понятия к СССР тогда у нас не только не обсуждалась, но сама постановка ее считалась кощунственной.

Во-вторых, совместная антифашистская борьба СССР и стран западной демократии против государств оси во второй мировой войне явилась серьезным препятствием для буржуазно-демократических попыток изобразить сталинский режим в качестве тоталитарного, для переноса негативных характеристик своих военных противников (Германии и Италии) на режим своего успешно воевавшего с фашизмом союзника - на СССР. Этим было обусловлено также то, что и в левом (коммунистическом) движении понятие "тоталитаризм" по отношению к СССР употреблялось только Л. Троцким¹.

В-третьих, весьма важным идейно-политическим стимулом для устранения прежних препятствий и широкого использования понятия "тоталитаризма" применительно не только к фашистским режимам, но и к сталинской власти в СССР, к режимам в других странах "реального социализма" стала развернувшаяся уже после 1945 года "холодная война", способствовавшая не только острому идеологическому противоборству "социализма" и "капитализма" с использованием любых "подручных средств", но и приведшая к прямому (без необходимых уточнений) опрокидыванию на "коммунистические режимы" тех характеристик тоталитаризма, которые сложились на фундаменте анализа фашистских порядков.

В-четвертых, характер "горбачевской перестройки", включавшей в себя значительные элементы очернения "социалистического прошлого", провал этой перестройки и приход к власти буржуазных демократов-антисоветчиков, возглавляемых в России Б. Ельциным, широко открыл шлюзы для того, чтобы сначала журналисты, а затем и многие, но далеко не все, обществоведы без сколько-нибудь серьезного анализа существа тоталитаризма и применимости этого понятия к условиям Советского Союза и вразрез с призывами "классиков" теории тоталитаризма - взвешенно использовать это понятие - стали применять его по делу и без дела, характеризуя нарушения демократии любой левой властью - от В. Ленина до А. Лукашенко.

Естественно, что долго подобная идеологическая трескотня не могла продолжаться. Постепенно накапливаемые знания в этой области привели к тому, что в отечественном обществоведении - в социологии, политологии и истории - стали формироваться взвешенные научные представления. Не отрицая достижений западной политологии, в том числе и в анализе специфики тоталитаризма, отечественное обществоведение за последние десять лет внесло и свой определенный вклад в понимание сути тоталитаризма и границ применения этого понятия: были написаны разноплановые и разнокачественные исследования, в том числе кандидатские и докторские диссертации, стали появляться не только статьи и брошюры по этой тематике, но и монографические исследования².

В этой связи обращает на себя внимание первый фундаментальный труд отечественных историков, опубликованный в 1996 году и озаглавленный: "Тоталитаризм в Европе XX века"³. В этой монографии большой коллектив историков под руководством Я.С. Драбкина и Н.П. Комоловой предпринял весьма удачную попытку историко-социологически обозреть проблематику тоталитаризма XX века. Особая ценность исследования в том, что это - вовсе не сборник разрозненных статей, связанных только объектом исследования, а внутренне продуманное и органически связанное целостное исследование, впервые дающее у нас, да, пожалуй, и во всей мировой политической литературе всеохватывающий и многоплановый анализ различных типов и форм тоталитаризма XX века и его истории, т.е. его становления, развития и крушения. Вместе с тем есть ряд общесоциологических и даже философских вопросов, все же нуждающихся в обсуждении.

Одна из ключевых социологических проблем, встающая перед исследователями недемократических политических режимов, особенно перед теми, кто стремится понять суть тоталитаризма - **выяснение общественных корней или первопричин возникновения тоталитарных порядков в самых, казалось бы, неодинаковых условиях:** в Италии 20-х годов, в Германии 30-х годов и в Советском Союзе послеоктябрьского сталинского периода. При всех попытках западной политологии ответить на этот вопрос, при определенных интересных догадках и высказываемых разными авторами ценных мыслях этот вопрос и сегодня в этой политологии оказывается не решенным, что, по моему мнению, значительно ослабляет всю западную критику тоталитаризма.

Когда пытаются ответить на него, чаще всего ссылаются на, вроде бы, основополагающую в этом отношении работу Ханны Арендт "Происхож-

дение тоталитаризма" (1951)⁴. Нельзя забывать, что сама Х. Арендт родилась в немецко-еврейской семье, а потому после прихода Гитлера к власти уезжает в Прагу, затем бежит в Париж, а после оккупации Парижа оказывается в США. В 1938 году она отказывается от германского гражданства, но паспорт США получила лишь через тридцать лет. Антисемитизм, с которым ей пришлось многократно сталкиваться и не только у себя дома, наложил свою печать и на ее книгу. Ее основные части таковы: антисемитизм, империализм, тоталитаризм. В книге тоталитаризм во многом сопрягается с антисемитизмом, что, хотя и не лишено определенных оснований, вовсе не дает верного ответа на вопрос о глубинных корнях и действительном происхождении тоталитаризма.

Мне представляется, что гораздо раньше и в каком-то смысле более основательно об истоках тоталитаризма писал Фридрих Хайек. В своей весьма глубокой работе "Дорога к рабству", написанной раньше книги Х. Арендт - в 1944 году, - он дал свою во многом кажущуюся весьма убедительной трактовку происхождения тоталитаризма. Следует напомнить, что сам Ф. Хайек в юности увлекался социалистическими идеями, но после прихода фашизма к власти эмигрировал из Австрии и жил в Англии и в США. Уже во время войны он бил в набат, предупреждая весь "демократический Запад", считая, что, сам того не подозревая, он вступил на "дорогу к рабству". Почему? Согласно его мнению, об этом свидетельствует повальное увлечение государственным регулированием военной экономикой, что давало хорошие результаты. Ф. Хайек был убежден, и он пишет об этом, что, если такая практика будет продолжаться и после войны, усиливая плановое регулирование экономикой, то это неизбежно обернется ростом социалистических идей как первым шагом к тоталитаризму. Вопреки тем, кто изображает фашизм как реакцию на распространение социализма, Ф. Хайек уже в 1944 году писал: "Мы до сих пор не хотим видеть, что расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествующего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций"⁵.

Спрашивается: каких тенденций? Согласно весьма убедительно изложенному мнению Ф. Хайека, зародыш тоталитаризма коренится уже в любой форме коллективизма, в любой попытке подчинить индивида, его индивидуальные устремления чему-то общему (Totalis). Если бы Ф. Хайек был прав в этом своем, в сущности этимологическом объяснении происхождения тоталитаризма, то дело человечества в борьбе против тоталитаризма было бы безнадежным, хотя бы потому, что пришлось бы отказаться от правового государства, подчиняющего каждого ОБЩИМ законам, праву.

Поначалу кажется, будто Ф. Хайек прав: ведь государственный контроль над всеми сторонами общественной жизни, подчинение этому контролю всего и вся: экономики, политики, культуры и идеологии, семейной и личной жизни - и составляет суть тоталитаризма. И гнев либерала Ф. Хайека нетрудно понять: для него, выступающего за полную, ничем не стесняемую свободу личности, любое ограничение свободы, любое подчинение индивида коллективу непереносимо, а потому он (Хайек) готов поставить на одну доску не

только фашизм и социализм, но даже и кейнсианство (за его вмешательство в экономическую жизнь).

Но здесь-то и обнаруживается ущербность его позиции. Становится ясно, что Ф. Хайек не видит разницы между возможностью и действительностью тоталитаризма; между его опасностью, связанной со многими естественными сторонами общественной жизни (в том числе и государственным регулированием и коллективизмом, подчиняющими индивида общему, совместному), но не порождающей все же тоталитаризма, и его действительностью, когда его абстрактная возможность по мере накопления опасных предпосылок, черт сначала превращается в РЕАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ, а затем - только при определенных обстоятельствах - в ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ. Ничего подобного такому анализу реальных причин утверждения тоталитаризма у Ф. Хайека нет. Его же стремление вывести тоталитаризм непосредственно из государственного вмешательства в экономику, из коллективизма, из подчинения индивида общему - свидетельство непонимания того, что и государство и право, да и само общество в своем повседневном функционировании "коллективистичны", подчиняют индивида "общему", вовсе не приводя к тоталитаризму. Авторы уже упоминавшейся книги "Тоталитаризм в Европе XX века" справедливо напоминают: «Даже в самых демократических структурах часто рассеяны "тоталитаристские" семена. Не случайно Олдос Хаксли выводил свой "дивный новый мир" из современной ему капиталистической либеральной демократии»⁶.

Как же преодолеть этот камень преткновения западной, да и нашей истории в анализе причин утверждения тоталитаризма? Ведь в ответе содержится возможность глубже раскрыть суть тоталитаризма, его черты.

Не претендуя на бесспорность своих суждений, я придерживаюсь мнения, что и у Италии 20-х годов, Германии 30-х годов и в СССР сталинских времен было нечто повторяющееся и весьма существенное, что и стало первопричиной утверждения здесь тоталитаризма. Я считаю, что тоталитаризм становится возможным и действительным в тех условиях и странах, которые в ходе своего развития по тем или иным причинам (часто весьма не одинаковым) объективно оказываются перед исключительными, экстремальными задачами (типа: или - или?), для решения которых необходима чрезвычайная мобилизация энергии, усилий всего населения. И граждане, понимая ситуацию, идут на это за "спасителями" нации, вождями народа.

Именно так было, хотя и всякий раз по-своему, во всех названных странах.

Как раз с этими первопричинами, на мой взгляд, связаны и некоторые общие, основополагающие черты тоталитаризма и, прежде всего, распространение в таких странах не просто общей, а обязательно **мессианской моноидеологии** - социальной или национальной, - утверждение авторитета ее отстаивающей **единственной партии и появление харизматических личностей** - отцов нации или спасителей народа, его "великих вождей". Если в Италии и Германии такой мессианской моноидеологией была националистически-шовинистическая идеология, подчеркивающая избранность собственной нации, то в СССР ею был мессианский большевизм, обещавший трудящимся

сделать саму Россию мессией, несущей светлое знамя свободы и счастья всем трудящимся всего мира. Подобная мессианская моноидеология была призвана в каждом случае воодушевить массы, собрать их под свои знамена, сделать их "героическими союзниками" власть имущих, тоталитарной власти. И, во-вторых, именно с этим, с пониманием массами чрезвычайной ситуации, в которой оказалась страна (отсюда важность политизации масс, их политической активности, а не пассивности), связана также готовность населения к определенным жертвам во имя решения "возвышенных героических задач", чем широко пользуются в своих интересах творцы тоталитарных порядков.

Я глубоко убежден, что без понимания этого, без учета этих общих глубинных первопричин, лежащих в основе определенной логики развития, ведущей к утверждению тоталитарных порядков, нельзя понять ни сущности тоталитаризма, ни причин его утверждения в весьма различающихся (по другим параметрам) обстоятельствах, ни объяснить его разноплановых и весьма прочных связей с массами. Отмеченные черты: **общая мессианская моноидеология, единственная партия и ее обожествляемый вождь** представляют собой необходимые исходные черты формирующегося тоталитаризма. С приходом к власти тоталитарных сил становятся явью еще три черты: создается и пускается в ход государственная машина принуждения, развязывающая **массовые репрессии, террор, преследование инакомыслия**; утверждается **монополия на информацию**; создается **централизованно управляемая мобилизационная экономика**.

Вторая ключевая социологическая проблема, принципиально важная при рассмотрении истории и теории тоталитарных порядков, такова: **почему недопустимо отождествление различных типов тоталитаризма - правого и левого**, почему некритическое перенесение конкретных качеств одного на тоталитаризм другого рода (типа) способно исказить не только историческую правду, но и привести к вредным практически-политическим последствиям?

Очевидно, что главное здесь заключается в том, что тоталитаризм правого и левого толка вовсе не две разные формы тоталитарных порядков, совпадающие по своему **содержанию**, но и различающиеся лишь своими **формами**, т.е. тем, как внешне выражается, какой вид и какие формы обретает тут и там одно и то же содержание: скажем, массовые репрессии при гитлеризме и сталинизме, или мессианская идеология, централизованно управляемая мобилизационная экономика правого и левого тоталитаризма и т.д. Нет! Здесь налицо гораздо более глубокие различия: а именно - различия **ТИПОВ**, а не только **ФОРМ** (как это имеет место, скажем, между однотипными формами тоталитаризма - итальянского фашизма и гитлеровского нацизма). А это значит, что каждому типу тоталитаризма присуща своя особая органическая взаимозависимость и связь основных черт, чем в каждом случае предопределяется не только своя особая логика развития: возникновение, развитие и гибель тоталитаризма данного типа, но и прямая несовместимость разнотипных тоталитаризмов, возможность их столкновения и борьбы не на жизнь, а на смерть. Ведь это разные типы одного

тоталитарного **политического режима, а не общественно-экономического строя**, где каждый рассматриваемый тип этого режима решает сходными политическими методами и средствами свои собственные политические задачи, стремится к своим особым целям, определяемым как раз не столько политическим режимом, сколько характером соответствующего общественного строя.

Еще одна важная социологическая проблема, встающая при изучении тоталитарных порядков, состоит в выяснении того, **какое место занимает тоталитаризм в сопоставлении с другими политическими режимами**, в первую очередь при сравнении с демократией и авторитаризмом.

Нередко тоталитаризм называется авторитарно-диктаторским режимом и наоборот; некоторые авторитарные режимы рассматриваются почти как тоталитарные. Думаю, что такой подход может быть и учитывает господствующую в зарубежной историографии позицию, но он не соответствует правде и вовсе не потому, что при тоталитаризме якобы нет аспекта авторитаризма, а потому, что авторитаризм и тоталитаризм - это все же два существенно различающихся вида недемократических режимов. На мой взгляд, это достаточно убедительно показано не в зарубежной, а в отечественной политической литературе.

В нашей отечественной политологии неоднократно отмечалось то, что в отличие от тоталитаризма, характеризующегося теми основными чертами и первопричинами возникновения, о которых говорилось в самом начале, авторитаризм имеет свои характеристики.

Авторитаризм - слово, происходящее от латинского слова Auctoritas - влияние, власть - это такая установленная или навязанная форма политической власти, политического режима, которая концентрирует власть в руках одного человека или в одном органе власти, в результате чего снижается роль других органов или ветвей власти и, прежде всего, уменьшается роль представительных институтов.

Можно утверждать, что наиболее существенными чертами авторитаризма как политического режима являются **три черты**: во-первых, концентрация власти в руках одного лица или одной, чаще всего исполнительной ветви власти; во-вторых, существенное сужение роли представительной ветви власти и ее институтов; в-третьих, сведение к минимуму роли оппозиции и автономии различных политических систем (ассоциаций, партий, союзов, учреждений), резкое свертывание демократических политических процедур (политических дебатов, массовых митингов и демонстраций, оппозиционной печати и т.д.).

Позволю себе процитировать Р.Х. Кочесокова, который четко проводит разграничительную линию между этими двумя недемократическими режимами: "Авторитаризм большинства (или значительной части) населения воспринимается как нелегитимный режим, в то время как легитимность тоталитаризма большинством не оспаривается. Авторитаризм устанавливается вопреки мнению большинства, или, по крайней мере, без его поддержки и согласия; тоталитаризм же устанавливается при самом активном участии масс. Именно вследствие массовой поддержки тоталитаризм в

научной литературе иногда правомерно называют "диктатурой массовых движений".

При авторитаризме государство и гражданское общество разделены, государство не очень интенсивно вмешивается в жизнь гражданского общества, хотя и держит его под жестким контролем; гражданское общество в определенной степени остается автономным, хотя и не способно оказывать серьезное воздействие на государство. При тоталитаризме начавшее формироваться гражданское общество целенаправленно этатизируется⁷.

Не менее важно и следующее: "При авторитаризме политическая власть, предоставляя человеку определенные возможности самореализации в гражданском обществе, препятствует активной самостоятельной политической деятельности граждан, вследствие чего для авторитаризма характерен политический абсентизм. При тоталитаризме, вследствие предельной политизации и идеологизации всей жизнедеятельности людей, они не могут оставаться в стороне от политической жизни, да и сам политический режим перманентно пытается держать людей в состоянии политической напряженности.

Политический абсентизм не только не приветствуется, как при авторитаризме, но и рассматривается как большое зло" (Там же, с. 12-13). А как обстоит дело с лидерами? При авторитаризме, власти "железной руки", между политическим лидером и народом существует непреодолимая дистанция: узурпатор и народ. Тоталитарный же вождь и народ - неразрывная органическая целостность. Тоталитарный вождь, как правило, любимец толпы, массы. Культ вождя - характернейшая черта тоталитаризма.

Для исследователей тоталитаризма важное методологическое значение имеет и социологически правильное решение вопроса: **каков тот объективный критерий**, с помощью которого можно утверждать, что в данной стране ИЛИ уже утвердился тоталитаризм, ИЛИ что тоталитаризм в ней уже разрушен. Принципиальная важность этой проблемы определяется многими как теоретическими, так и практическими причинами. Ведь на основе того, что в определенных странах имеют место отдельные черты, характерные для сложившегося тоталитаризма (скажем, диктатура над личностью, массовые репрессии, преследование инакомыслия и т.п.), начинают говорить о тоталитаризме применительно к государству Платона (подобным образом рассуждает, например, Карл Поппер) или же признают наличие тоталитаризма там, где налицо государственное регулирование экономики, коллективизм (это мы видели у Ф. Хайека), или же, что бывает особенно часто, называют тоталитарным якобинский режим в революционной Франции конца XVIII века, считают тоталитарным не только сталинский режим 30-40-50-х годов, но и диктаторский режим 1917-1924 годов, функционировавший при В. Ленине, более того, из-за сохранения командно-административной экономики говорят о сохранении тоталитаризма не только при Н. Хрущеве, но и при М. Горбачеве и т.д.

Прежде всего, необходимо отбросить как не выдерживающие никакой критики любые попытки считать тоталитарными политические режимы, где налицо антидемократические черты, сходные или аналогичные тем, которые

имеют место при сложившемся тоталитаризме (скажем, массовые репрессии, террор, преследование инакомыслия, командная система в экономике и т.д.) без должной полноты и' необходимой внутренней органической связи подобных черт. Не только неверно, но и методологически вредно называть тоталитаризмом недемократические политические режимы далекого прошлого, режимы, выросшие в своих общественно-исторических условиях, а не на почве обстоятельств XX века - колыбели тоталитаризма. Если следовать подобной ошибочной логике, то придется признать тоталитарной не только власть патриарха в патриархате, но и власть Нерона в Риме, не говоря уже о власти Ивана Грозного в России, что очевидно ошибочно.

Кстати сказать, "классики" теории тоталитаризма не раз предупреждали своих последователей о необходимости осторожного обращения с понятием "тоталитаризм", избегая всякого злоупотребления им в идеологических целях. В этой связи не лишне напомнить о том, как аргументированно Ханна Арендт опровергала часто повторяющуюся и сегодня у нас грубую ошибку, связанную с отождествлением диктаторской власти В. Ленина с тоталитарным режимом И. Сталина. В своей фундаментальной книге Х. Арендт специально останавливается на этом. Много позже, уже после выхода ее монографии в свет, а именно в 1967 году, она участвовала в коллоквиуме в Гарварде, посвященном 50-летию Октября, в качестве почетного гостя. Сама Ханна Арендт так описывает свое несогласие с попытками отождествить диктатуру при Ленине с тоталитаризмом Сталина: "Слушая дебаты, я была поражена фактом, что все выступавшие верили в непрерывное продолжение истории России после 1917 года и до смерти Сталина. Иными словами, те, кто более или менее защищал революцию Ленина, одновременно оправдывали Сталина, в то время как те, кто разоблачал власть Сталина, были уверены, что Ленин был не только ответственным за тоталитаризм, но и в том, что Сталин был необходимым следствием Ленина. Этот молчаливый консенсус мне кажется в высшей степени характерным для того, что называется "течением западной мысли на этот сюжет"⁸. Это принципиальная ошибка повторяется и у нас.

Х. Арендт в своей книге и других материалах не раз писала о принципиальном отличии диктатуры Ленина от тоталитаризма Сталина. Рассматривая Ленина в качестве "шефа масс", она считала самой тяжелой ошибкой Ленина передачу в начале гражданской войны высшей власти в стране от Советов к партийной бюрократии. Но даже это трагическое для революции обстоятельство, по мнению Х. Арендт, не вело фатально к тоталитаризму. "Чтобы превратить ленинскую революционную диктатуру в систему тоталитарного правления, - считала она, - Сталину пришлось сначала искусственно создать то самое атомизированное общество, которое в Германии подготовили для нацистов исторические обстоятельства"⁹.

Но вернемся к тому, каков же объективный критерий наличия или отсутствия тоталитаризма? В многочисленных попытках дать ответ на этот вопрос просматриваются ДВА различающиеся подхода: смысл **первого** - в стремлении решить вопрос через посредство уже упомянутых пяти основных признаков тоталитаризма; смысл **второго** - в ответе с помощью син-

тетического показателя - общего состояния прав и свобод граждан в обществе.

Сила **первого подхода** обнаруживается при правильном понимании диалектики части и целого. Уже говорилось, что в классической политической литературе, исследующей тоталитаризм (у Х. Арндт, К. Поппера, Ф. Хайека, Р. Арона и других), выделено пять основных черт или признаков, находящихся в органической связи и составляющих взаимодействующую систему тоталитаризма как единого целого. Неразрывная связь тоталитаризма с наличием этих весьма отличающихся элементов при непонимании характера их связи как раз и приводит к ошибочным утверждениям, когда о тоталитаризме говорят применительно, скажем, к государству Платона (К. Поппер), или к стране с государственным регулированием экономики (Ф. Хайек) и т.п., что, очевидно, неверно, и корень ошибки здесь в смешении **возможности** (опасности) тоталитаризма, состоящей в опасности возникновения отдельных соответствующих черт, и его **действительности**, связанной с утверждением самих тоталитарных порядков. Общеизвестно, что тоталитаризм - продукт общих условий XX века, он утверждается там и тогда, где и когда при определенных обстоятельствах отдельные и весьма специфические черты этого политического режима выступают не изолированно, а в органическом единстве как взаимодействующая целостность этих основных черт.

Поэтому ошибочно не только признание тоталитаризма там, где налицо лишь та или иная соответствующая черта. Ошибочно и мнение, согласно которому тоталитаризм все еще сохраняется, когда при разрушении его ключевых черт остаются еще не разрушенными те или иные его черты. Подобную ошибку, не учитывающую диалектики целого и части, чаще всего допускают историки, особенно приверженцы теории "нереформируемого тоталитаризма" (напр., на Западе З. Бжезинский, у нас А. Мигранян). Если З. Бжезинский, считая невозможным для М. Горбачева отказ от "коммунистической доктрины", писал в свое время об этом как в принципе непреодолимом препятствии для самореформирования тоталитарного режима, то А. Мигранян, "доказывая" сохранение у нас тоталитаризма и при Н. Хрущеве (уже без репрессий и террора), пошел даже на то, чтобы объявить ключевой чертой тоталитаризма не террор, а государственную собственность. На что не пойдешь ради отстаивания идеологически выгодной лжи! Такова суть и издержки первого подхода.

Существо **второго подхода** - в стремлении решить проблему объективного критерия наличия (или разрушения) тоталитаризма по итоговому результату - по положению человека в обществе. Тоталитаризм налицо там и тогда, где и когда личность, индивид, гражданин, все сферы его жизни и деятельности оказываются под тотальным контролем, где индивид - марионетка власть имущих. Так, германский политолог Г. Баллестрем писал: "То обстоятельство, что властители время от времени по собственной воле или под давлением обстоятельств гарантируют определенные свободы, не может служить аргументом против теории тоталитаризма. Вопрос состоит в том, затрагивается основной принцип или нет. Пока партийно-государ-

ственное руководство выступает во всех смыслах как высшая инстанция и право граждан на свободу является дарованным, система в принципиальном смысле остается тоталитарной¹⁰.

Как же все-таки подойти к решению вопроса? Я уже писал и утверждаю, что объективный критерий наличия или разрушения тоталитаризма - комплексный, он включает в себя, во-первых, анализ условий, констатацию наличия органической целостности, взаимосвязанной системы основных черт или элементов тоталитаризма; во-вторых, как результат этого - характер положения индивида в обществе, степень подчиненности его граждан сильным мира сего.

Еще одна важнейшая социологическая проблема, нуждающаяся в обсуждении при анализе тоталитарных порядков и их перспектив, такова: насколько права западная политология и социология или те представители их, которые придерживаются тезиса о **внутренней неререформируемости тоталитаризма как такового, коммунистического в особенности?**

Догма о внутренней неререформируемости тоталитаризма возникла на Западе как результат неоднократных провалов заговоров против фашистских режимов, как следствие того, что фашизм в Италии и нацизм в Германии пали в результате борьбы не внутренних, а под давлением внешних сил; в ходе их поражения в войне. В обстановке "холодной войны", когда черты фашистского тоталитаризма опрокидывались на коммунизм, концепция внутренней неререформируемости коммунистического тоталитаризма получила широкое распространение.

Разумеется, не все западные обществоведы разделяли эту догму. Даже З. Бжезинский уже в 1967 году отмечал перемены в коммунизме. Несколькими годами позже, в 1972 году, А. Корбонский тоже писал о существенных демократических переменах в коммунистической системе¹¹. Но все же догма о внутренней неререформируемости тоталитаризма продолжала господствовать: ее стимулировал брежневско-черненко-ский неосталинизм. В этом заблуждении западную политологию твердо поддерживали многие диссиденты, уехавшие на Запад из своих "социалистических" стран, в частности, Александр Зиновьев.

События конца 80-х - начала 90-х годов, приведшие к падению коммунистических режимов в европейских странах "реального социализма", требовали отказа от западной догмы о внутренней неререформируемости коммунистического тоталитаризма. Это происходило медленно и весьма болезненно. В 1991 году А. Корбонский, выступая в Москве на международной конференции, посвященной переменам в Восточной Европе, напомнил участникам конференции о своих двадцатилетней давности "ревизионистских" подходах, шедших вразрез с догмой о неререформируемости коммунистического тоталитаризма. При этом он не скрывал своего несогласия с западными обществоведами, "которые в течение продолжительного времени упорно игнорировали перемены в коммунистической части Европы. Они настаивали на том, что тоталитарная модель могла отвечать каким-то условиям в Центральной и Восточной Европе даже тогда, когда была дискредитирована в глазах населения"¹².

В сложившейся ситуации и встал вопрос о пересмотре всей западной концепции тоталитаризма, не выдержавшей проверки при объяснении событий конца 80-х - начала 90-х годов в ряде стран "реального социализма". По этому же пути пересмотра своих ошибочных воззрений пришлось идти также многим отечественным обществоведам (например, А. Миграняну, А. Ципко), повторявшим западную догму о внутренней неререформируемости коммунистического тоталитаризма. Но этого не пришлось делать тем обществоведам, которые видели внутренние противоречия и антагонизмы "реального социализма", а потому понимали неизбежность разрешения этих противоречий и как следствие этого неотвратимость трансформации существующего здесь недемократического устройства.

Ключевым для понимания специфики крушения тоталитаризма коммунистических цветов является проблема его **главного саморазрушающего противоречия**: только через анализ этого противоречия можно в полной мере раскрыть принципиальное отличие левого (коммунистического) тоталитаризма от правого (фашистского) тоталитаризма, можно объяснить, почему тоталитаризм коммунистических цветов пал не в результате прямого воздействия извне (как было в Италии и Германии), а вследствие действия внутренних общественно-политических сил. Формулировка этого саморазрушающего коммунистического тоталитаризма противоречия была дана еще в широкой дискуссии о противоречиях "реального социализма", прошедшей в философской печати в начале 80-х годов, т.е. за несколько лет до первых "бархатных" и небархатных революций в Восточной Европе¹³.

С опорой на эти общеметодологические положения была высказана и мысль о сути противоречия, являющегося саморазрушающим противоречием того общественного устройства, которое существовало в СССР и странах Восточной Европы в качестве бюрократизированного реального социализма. Одна из первых его формулировок была дана в 1989 году, т.е. до бурных событий конца этого года. Утверждалось: "В ходе эволюции господства бюрократии возникает ситуация, когда складывается противоречие, выражающееся в том, что недовольны и народ и партийно-государственная бюрократия. Первый - потому, что он чувствует, что это не его власть, что власть принадлежит другим социальным силам. Вторая - потому, что она вынуждена все время прикрывать свое господство, осуществление своих интересов тем, что она якобы служит трудящимся"¹⁴. Когда недовольство приобретает определенный размах, появляются лидеры, стремящиеся поставить партийно-государственный аппарат на службу народу.

Шестью годами позже, обобщая уже имеющийся опыт, говорилось так: "Суть дела в том, что политическое господство партийно-государственной бюрократии, прикрываемое тогой социалистического строительства, содержит в самом себе неразрешимое саморазрушающее противоречие"¹⁵. Это противоречие связано с природой господствующей здесь государственной идеологии, которой обязались следовать не только массы, но и власть имущие. И заключается противоречие в глубоком разрыве сущности и формы, дела и слова, обещаемого властью и осуществляемого ею, между ожиданиями народа и объективно получаемым им. Именно это противоречие

и "является саморазрушающим для коммунистического тоталитаризма, ибо оно порождает постоянные взрывы недовольства на обоих своих полюсах - и в среде народа, и в рядах номенклатуры, свидетельствуя перед всеми существующую непрочность, реальную зыбкость и возможность изменения режима, толкая общество к реформам. Импульсы разрушения идут прежде всего от народа, трудящихся, чьи интересы, не говоря уже о социальных идеалах, не реализуются в рамках казарменного социализма. Идущие снизу импульсы находят поддержку у лидеров, которые, считая себя признанными служить народу (Хрушев, Горбачев), вступают на тернистый путь борьбы с партийно-государственной бюрократией..."¹⁶. Такова динамика самореформирования этого общественно-экономического устройства.

Таковы некоторые социологические вопросы истории и теории тоталитаризма, требующие, на мой взгляд, дальнейшего осмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности: *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991, с. 86, 206 и др.

² См.: *Кочесоков Р.К.* Тоталитаризм: философско-политическое исследование. Докт. диссертация. Ростов-на-Дону. 1992; *Бучик А.П.* Идеология и тоталитаризм. Канд. диссертация. М., 1993, а также сборники статей и монографии: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; *Кочесоков Р.К.* Феномен тоталитаризма. Ростов-на-Дону, 1992.

³ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., Памятники исторической мысли. 1996, 540 с.

⁴ См.: *Арендт Ханна.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996, 672 с.

⁵ *Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1991, № 10, с. 115.

⁶ Тоталитаризм в Европе XX века, с. 502.

⁷ *Кочесоков Р.К.* Тоталитаризм: философско-политическое исследование. Автореферат докт. дис, с. 12.

⁸ Цит.: *Мушинский В.* Ханна Арендт и ее главная книга // Свободная мысль. 1995.

⁹ *Arendt H.* Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft. New York, 1951, S. 278.

¹⁰ *Баллестрем Г.К.* Апории теории тоталитаризма // Вопросы философии. 1992, № 5.

¹¹ *Korbonski A.* Comparing liberalization processes in Eastern Europe // Comparative politics. 1972. Vol. 4, N 2. P. 231-249.

¹² *Корбонский А.* Переход к демократии в Венгрии, Польше и Чехословакии: некоторые предварительные суждения // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992. с. 97.

¹³ Первой была опубликована статья тогдашнего вице-президента АН СССР академика П.Н. Федосеева "Диалектика общественной жизни" ("Проблемы мира и социализма". Прага, 1981, №9), где впервые ставился вопрос о возможности антагонизмов и при социализме. Несколько позже журнал "Вопросы философии" в 1982 году в № 7 и № 8 опубликовал две статьи своего тогдашнего главного редактора - доктора философских наук, профессора В.С. Семенова о противоречиях социализма, а в № 10 мою статью "Противоречия развития социализма как общественного строя".

¹⁴ *Бутенко А.* Борьба за власть между бюрократией и народом остается главной проблемой для общества // Общественные науки. 1989, № 6, с. 74.

¹⁵ *Бутенко А.* Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // Общественные науки и современность. 1995, №5, с. 173.

¹⁶ Там же.